

Глеб Вежин

ДАЛЬНИЙ УЗЕЛ

Глеб Вежин
Дальний узел

«Автор»

2026

Вежин Г.

Дальний узел / Г. Вежин — «Автор», 2026

Марина Нестерова получает запись собственного разговора — за двое суток до того, как он должен состояться. Источник файла находится в Вежино, на северной радиостанции, которая официально давно не способна передавать ничего дальше ближайших посёлков. В ту же ночь исчезает инженер Алексей Руднев, отправивший запись. Марина приезжает в Вежино, чтобы найти его и доказать, что файл подделан. Однако станцию запускали уже после закрытия, а каждый, кто мог находиться рядом, помнит ту ночь по-своему. Тем временем события начинают повторять детали из записи, о которых никто не должен был знать. Единственный способ установить происхождение сигнала — снова запустить станцию. И тогда Марине придётся выяснить, что опаснее: услышать будущее или попытаться его изменить.

© Вежин Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Вход в сигнал	5
Глава 1. Чужой голос	5
Глава 2. После отправки	12
Глава 3. Дорога в Вежино	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Глеб Вежин

Дальний узел

Часть I. Вход в сигнал

Глава 1. Чужой голос

К половине десятого Марина успела дважды прогнать калибровочную фразу и один раз обжечься кофе. Стаканчик стоял между клавиатурой и выключенным телефоном — слишком близко к аппаратуре, как она сама запретила бы любому стажёру. В лаборатории было тихо настолько, что слышался слабый скрип батареи под окном.

Служебный сигнал защищённого канала прозвучал громче, чем должен был.

Марина сняла наушники. На отдельном экране мигало новое сообщение. Не клиентская форма, не пересланная кем-то запись с просьбой «сказать, правда ли это». Профессиональный контур, которым пользовались лаборатории и ведомственные эксперты.

Тема письма была составлена без попытки понравиться: «Запрос на верификацию голоса. Требуется осмотр исходной регистрации».

Отправителя звали Алексей Руднев. Оператор аварийного радиокomплекса, посёлок Вежино. Название ничего ей не сказало. К письму был приложен короткий аудиофайл и предупреждение: служебные дорожки удалены, материал перекодирован для передачи.

Марина подвела указатель к значку воспроизведения и остановилась.

Люди, уверенные, что прислали сенсацию, обычно боялись паузы. Они писали второе письмо, звонили, требовали немедленного ответа. Руднев ничего не требовал немедленно. Он просил сначала сохранить пакет и только потом слушать.

Это могло говорить о компетентности. Или о хорошем понимании её привычек.

Она убрала стаканчик на подоконник, отключила автоматический предпросмотр и перенесла вложение в изолированный каталог. Остальное заняло меньше минуты: неизменная копия, контрольная сумма, заголовки сообщения, отметка получения. Рутинные движения вернули комнате обычные размеры.

Только после этого Марина открыла письмо.

Руднев писал, что ночью при проверке приёмного тракта получил запись разговора. Разговор, по его словам, ещё не происходил. Один из голосов мог принадлежать Марине Нестеровой.

Она перечитала собственное имя.

Фамилия стояла в середине строки и всё равно выглядела обращением.

Руднев не просил подтвердить чудо. Он просил установить сходство голоса и отдельно предупреждал: переданного фрагмента недостаточно, чтобы судить о времени, смысле или намерении говорящих. Для полноценной проверки требовалась исходная регистрация на станции.

В последнем абзаце аккуратность ломалась. Он звал её в Вежино — и тут же просил не считать поездку нейтральным действием. В записи, утверждал Руднев, были обстоятельства, связанные с её присутствием у комплекса. Неполный фрагмент мог подтолкнуть её именно к тому решению, которое без источника нельзя было понять.

Марина откинулась на спинку кресла.

— Удобно, — сказала она пустой лаборатории.

Если она не поедет, отправитель сможет объяснить это осторожностью. Если поедет — объявить исполнением записи. Старая уловка, только упакованная человеком, который знал цену исходному носителю и не путал голос со смыслом сказанного.

Она проверила подпись и служебный адрес. Сертификат был действующим. Радиокомплекс существовал. На странице региональной службы нашлась карточка Руднева: устаревшая фотография, рабочая куртка не по размеру, взгляд человека, которого оторвали от ремонта ради формальности. Контакт совпадал с адресом отправителя.

Случайным письмом пакет больше не был.

Правдивым от этого он не становился.

Марина закрыла страницу справочника. На экране осталась строка о её голосе. Можно было удалить письмо как профессионально выполненную провокацию. Можно было переслать в службу безопасности и забыть до ответа. Оба решения оставляли кому-то другому право первым услышать, что именно говорил голос с её именем.

Она вернула наушники. Амбюшюры ещё хранили тепло от калибровки.

В рабочем окне появился серый треугольник воспроизведения.

За ним ждал её голос — или человек, который очень хотел, чтобы она так решила.

* * *

Сначала в наушниках прошёл сдавленный шум. Потом мужской голос произнёс несколько слов — слишком глухо, чтобы Марина стала угадывать. Женщина ответила.

Марина остановила запись.

Палец остался на клавише пробела. В комнате продолжала работать вентиляция, за окном грузовик сдал назад и коротко пискнул, а тело уже узнало голос раньше, чем она успела возразить.

Не тембр. Тембр подделывали легче всего.

Женщина входила во фразу после короткого вдоха, проглатывала безударную гласную и задерживалась на стыке согласных там, где Марине всегда приходилось следить за дикцией перед микрофоном. Ничего уникального по отдельности. Вместе — слишком знакомо.

Она сняла наушники и обнаружила, что держит плечи поднятыми. Опустила их намеренно. Кофе на подоконнике успел покрыться тонкой плёнкой.

— Ещё раз, — сказала Марина.

Теперь она слушала не слова. Выбрала несколько собственных записей с известным происхождением: лекцию, лабораторный протокол, нейтральный текст. Запустила короткие участки вперемешку с присланным фрагментом.

На третьем повторе чужая запись перестала быть просто похожей. В ней обнаружилась её манера экономить воздух перед важным словом — почти незаметная привычка, которую она однажды пыталась убрать и бросила через неделю.

Марина поставила воспроизведение на паузу.

В старом центре её учили не бояться узнавания. Первая реакция специалиста была наблюдением, не заключением. Но четыре года назад именно из такого наблюдения выросла фраза, потом заголовок, потом чужая уверенность в том, чего запись не говорила. Её оговорки становились короче при каждом пересказе, пока не исчезли совсем.

Не совсем сами.

Она открыла новую заметку и написала: «Устойчивое сходство. Идентификация не выполнена».

Строка выглядела безупречно. Рука — нет.

Марина вернулась к фрагменту. Начало женской реплики было срезано, конец тонул в сухом треске. Сохранившийся кусок звучал так, будто говорящая признавала собственную ответственность. Но мог быть возражением, повтором чужого обвинения или ответом на вопрос, которого в копии не было.

Она знала это ещё до повторного прослушивания.

И всё равно прибавила громкость, словно потерянные слова могли прятаться за шумом и уступить, если надавить сильнее.

Шум стал ближе. Смысл — нет.

Марина резко убрала уровень. Вот за этим Руднев и прислал обрезок: не обязательно чтобы обмануть. Достаточно было заставить её самой достроить недостающее.

Она проверила самые очевидные места монтажа. Несколько переходов, фон, грубые следы синтеза. Перекодирование съело слишком многое; явного шва не было, но хороший монтаж мог пережить такую копию. На строгий вывод материала не хватало.

Раньше Марина продолжила бы до тех пор, пока все доступные проверки не закончились. Сейчас ей хотелось другого: услышать фразу целиком. Желание было настолько простым и личным, что она почти рассердилась на него.

Она снова надела наушники, но запись не включила.

Вместо этого написала Рудневу. Попросила исходную регистрацию, непрерывную дорожку, служебные каналы и сведения об оборудовании. Последнюю строку сначала сформулировала спокойно, затем стёрла.

«Почему вы зовёте меня туда, если считаете мой приезд частью записи?»

Отправила именно так.

Ответ получился резче профессионального запроса. Марина не стала исправлять письмо вслед за ним.

На экране осталась неподвижная полоса звука. Она уже знала, где в ней начинается женская реплика, и поймала себя на том, что ждёт продолжения после обрыва.

Запись молчала её голосом.

* * *

Руднев ответил почти сразу. Не оправданием — номером служебной линии и предложением поговорить пять минут.

Марина сверила номер со справочником комплекса. Пока устанавливалось соединение, успела решить, что не станет обсуждать будущее, причинность и собственный голос. Только носитель.

На линии зашипело. Где-то далеко щёлкнуло реле, потом мужчина кашлянул в сторону от микрофона.

— Нестерова.

— Руднев. Спасибо, что не удалили.

Голос был старше фотографии и заметно уставшим. Не испуганным — усталость Марина различала лучше. Человек либо не спал ночь, либо хотел, чтобы она это услышала.

— Я проверила копию, — сказала она. — Начнём с того, чего вы мне не дали.

— Непрерывной приёмной дорожки. Служебных каналов. Состояния генераторов. Коммутации на момент записи.

Он перечислил всё без паузы.

— Почему не передали?

— Потому что это не файл. Это массив и аппаратура, которая его создала. Я могу выгрузить вам ещё куски. Осмотреть цепочку удалённо не могу.

— Удобное ограничение.

Руднев помолчал. На заднем плане снова сработало реле.

— Для меня тоже.

Марина ожидала защиты, теории, попытки убедить. Вместо этого он оставил подозрение лежать между ними как инструмент, который пока некуда убрать.

— Тогда присланный фрагмент годится только для предварительного сравнения речи.

— Да.

— Вы уже решили, что голос мой.

— Нет. Я решил, что похож достаточно, чтобы спросить вас.

— Откуда образцы?

Он назвал два её открытых выступления и учебную запись о пределах голосовой идентификации. Марина помнила ту запись: плохой свет, чужой пиджак на спинке стула, вопрос из зала, после которого она слишком долго объясняла разницу между человеком и смыслом сказанного.

Материала хватило бы и для убедительной подделки.

— Почему не отправили в обычную лабораторию?

— Потому что обычная лаборатория увидит ваше имя после первого совпадения.

— А я, по-вашему, не увижу?

— Вы хотя бы знаете, что с ним потом сделают.

Марина выпрямилась.

Он мог найти старое дело за десять минут. Мог прочитать заголовки и решить, что понял её. Это было ещё одной формой давления — более точной, чем мистическое письмо.

— Вы выбрали не специалиста, — сказала она. — Вы выбрали человека, которого легче втянуть.

— Я выбрал специалиста, который однажды видел, как верный голос превращают в неверный приговор.

На линии стало слышно его дыхание.

Марина перебила прежде, чем он продолжил:

— Что именно произошло ночью?

— Я настраивал приёмный тракт. Получил речь там, где её не должно было быть. Сохранил регистрацию до повторного воспроизведения. Проверил обычные источники настолько, насколько мог один.

— И решили, что разговор из будущего.

— Решил, что не умею объяснить время обычным способом.

Это был не тот ответ, на котором удобно ловить лжеца.

— Вы просите меня приехать и одновременно предупреждаете, что мой приезд может быть частью записи.

— Да.

— Это ловушка, Руднев.

— Возможно.

Первое честное слово в разговоре прозвучало почти спокойно.

— Вы хоть понимаете, как это выглядит?

— Понимаю. Если покажу больше без контекста, вы услышите ответ раньше вопроса. Если не покажу ничего, у вас не будет причины осматривать станцию. Я выбрал меньшее вмешательство. Не уверен, что правильно.

Марина посмотрела на серую полосу звука. Руднев не просил доверять ему. Хуже: он признавал, что уже сделал выбор за неё, и оставлял ей только способы ответить на его выбор.

— Вы считаете, что отправка могла изменить то, что произойдёт?

— Я не могу исключить.

— Это не физическое объяснение.

— У меня нет физического объяснения, которое выдержало бы ваши вопросы.

Где-то рядом с ним зазвонил короткий служебный сигнал.

— Мне нужно вернуться к оборудованию, — сказал Руднев. — Исходная регистрация защищена от записи. Контрольная сумма в журнале.

— В вашем журнале.

— Другого пока нет.

— Не присылайте новые фрагменты. И ничего не меняйте в исходнике.

— Принято.

Соединение оборвалось без прощания.

Марина ещё несколько секунд смотрела на значок завершённого вызова. Потом сняла наушники. После голоса Руднева лаборатория показалась слишком аккуратной: белые панели, подписанные кабели, чашка с остывшим кофе. Здесь любое неизвестное можно было разложить по папкам. Вежино отказывалось помещаться в папку уже потому, что исходник нельзя было прислать.

Она проверила заголовки и параметры копии ещё раз, но теперь не пыталась выжать из них ответ. Размер и способ перекодирования совпадали с заявленными. Профессиональный канал был настоящим. Всё важное — непрерывность тракта, аппаратный фон, состояние оборудования — осталось на станции.

Очный осмотр имел смысл.

Поездка — ещё нет.

Чтобы отделить одно от другого, требовался человек, который не поверит ни Рудневу, ни ей. Марина открыла список защищённых контактов.

Имя Дмитрия сохранилось там с тех времён, когда они ещё звонили друг другу без причины записывать разговор.

Она не касалась этой строки четыре года.

Теперь нажала.

* * *

Дмитрий не ответил на звонок. Через полминуты написал: «На совещании. Что случилось?»

Марина набрала: «Нужна независимая проверка записи».

Три точки появились сразу.

«Твоей или чужой?»

Она стёрла первый ответ. Потом второй.

«Запись чужая. Голос, возможно, мой».

Телефон зазвонил.

— Совещание? — спросила Марина.

— Теперь без меня. Что значит «возможно»?

Он не поздоровался, и это неожиданно облегчило разговор. Вежливость между ними всегда означала, что кто-то уже приготовил обвинение.

— Устойчивое сходство по нескольким признакам. Копия перекодирована. Идентификацию не заявляю.

— А хочешь?

— Хочу понять, подделка ли это.

— Это другой вопрос.

Марина закрыла глаза на секунду. Голос Дмитрия почти не изменился: мягкий, вопросительный, будто он не спорил, а оставлял собеседнику последнюю возможность самому заметить ошибку.

— Поэтому звоню тебе.

— Потому что я соглашусь или потому что не соглашусь?

— Второе.

— Уже честнее.

Она развернула новый пакет. Из него исчезли тема письма, слова о будущем разговоре и предупреждение о поездке. Остались сам фрагмент, сведения о перекодировании, контрольная сумма, подтверждённое происхождение запроса и два набора её образцов. Несколько минут

назад Марина считала такую слепоту защитой. Теперь видела в ней и попытку управлять тем, какой вопрос Дмитрий задаст первым.

— Что ты убрала? — спросил он.

— Историю отправителя.

— Почему?

— Она подсказывает ответ.

— Или объясняет срочность.

Марина промолчала.

— Кто выбирал образцы? — продолжил Дмитрий.

— Я. По качеству.

— Тогда пакет не слепой. Ты уже слышала совпадение и выбрала, где мне его искать.

— Полный фрагмент внутри. Сделай свой выбор и зарегистрируй.

— Сделаю. Но сначала скажи, чего ты от меня хочешь на самом деле.

— Я уже сказала.

— Нет. Ты перечислила работы.

Старое раздражение поднялось слишком быстро. Четыре года назад Дмитрий так же отделил формулировку заключения от того, зачем её потребовали. Потом, когда формулировку использовали именно так, как он предупреждал, отделил от неё себя.

— Мне не нужно повторение того разговора, — сказала Марина.

— Тогда не повторяй.

В трубке стало тихо. Дмитрий не повысил голос. Он никогда не повышал — просто переставал помогать человеку прятаться за общими словами.

Марина посмотрела на пакет.

— Я хочу, чтобы ты проверил, действительно ли голос похож на мой. Отдельно — есть ли в этой копии обычные признаки монтажа или синтеза. И отдельно — чего по ней установить нельзя.

— Хорошо.

— Отсутствие типичных следов не означает, что подделки нет.

— Я помню, Марина.

Он произнёс её имя без упрёка, и от этого стало хуже.

— Отправитель утверждает, что разговор ещё не состоялся, — сказала она.

Дмитрий выдохнул, но не засмеялся.

— Это в заключение не войдёт.

— Не должно.

— Где исходник?

— Радиокомплекс в Вежино. Он требует осмотра на месте.

— Требуется?

— Просит. И предупреждает, что мой приезд может быть связан с записью.

— Очень заботливый человек.

Сухая ирония вернула им знакомый ритм, но ненадолго.

— Ты собираешься ехать? — спросил Дмитрий.

— Я собираюсь сначала получить независимый результат.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Он не стал дожидаться. Попросил разделить контрольные образцы, приложить параметры экспорта и оставить ему возможность заново выбрать участки сравнения. Марина внесла изменения. Техническая часть разговора заняла меньше времени, чем обычно, потому что они снова умели работать вместе — и оба это заметили, не сказав.

— Быстрого ответа не будет, — предупредил Дмитрий.

— Мне нужна входящая отметка. Чтобы пакет существовал не только у меня.

— Отметка будет сразу.

— А содержательный результат — когда сможешь.

— Так и запишу. Высокая срочность без требования чуда.

Марина подвела курсор к отправке.

— Дима.

Он ждал.

Она собиралась попросить его никому не передавать материал. Это было бы естественно, разумно — и означало бы, что независимый свидетель нужен ей только пока остаётся управляемым.

— Ничего, — сказала Марина. — Отправляю.

Индикатор канала медленно заполнился. Затем на экране появилась подписанная квитанция центра Дмитрия: пакет принят в 10:50.

Марина сняла наушники.

В комнате стало тише, но голос уже был в Москве.

Глава 2. После отправки

Подписанная квитанция появилась на экране, и Марина несколько секунд ждала облегчения.

Его не было.

Пакет приняли в десять пятьдесят. Подпись центра была настоящей, контрольная сумма совпадала с отправленной. Голос теперь существовал в двух системах и у двух людей, которые четыре года не доверяли друг другу в одинаковой степени.

Телефон ещё лежал в её руке после разговора с Дмитрием. Марина снова нажала вызов. Он ответил не сразу.

— Ты уже открыл пакет?

— Нет.

На заднем плане кто-то говорил о сроках и просил Дмитрия вернуться в комнату. Он прикрыл микрофон ладонью; чужие голоса стали глухими.

— Можешь открыть сейчас? — спросила Марина.

— Могу.

— И?

— Не буду.

Она посмотрела на квитанцию, словно та могла объяснить его тон.

— Ты вышел с совещания ради звонка.

— Ради звонка. Не ради нарушения очереди.

— Это не обычный материал.

— Поэтому он и не должен начинаться с твоего впечатления и моего желания тебя успокоить.

Марина разжала пальцы. На ладони остались полукруглые следы от корпуса телефона.

— Я не просила меня успокаивать.

— Ты позвонила через сорок секунд после квитанции.

Он говорил мягко, почти дружелюбно. Так было хуже: раздражаться на процедуру было легче, чем на человека, который слишком хорошо помнил её способы не просить.

— Высокая срочность, — сказала Марина.

— Поставлю. Но высокая срочность не означает предварительный ответ. Сначала разделю образцы и назначу исполнителя так, чтобы он не знал твоей версии.

— Ты сам не будешь смотреть?

— Буду контролировать. Не буду первым выбирать, где услышать тебя.

Слово «тебя» он произнёс без нажима. Марина всё равно услышала.

— Сообщи, когда откроете архив.

— Сообщи, что начали работу. Впечатлением делиться не буду.

— Даже со мной?

— Особенно с тобой.

Из комнаты за его спиной снова позвали. Дмитрий сказал кому-то: «Иду», затем вернулся к линии.

— Марина, независимая проверка — это не проверка, которая согласна быть независимой только до первого неудобного ответа.

— Я знаю.

— Хорошо. Тогда дай ей время.

Соединение закончилось. На экране осталась квитанция — именно то, чего Марина добивалась утром. Внешняя отметка, неподконтрольная её лаборатории. Она обнаружила, что пере-

читывает имя Дмитрия в подписи так же, как час назад перечитывала собственную фамилию в письме Руднева.

Марина закрыла квитанцию и открыла сообщение Алексею.

«Пришлите экспорт исходящей записи и доступную часть журнала служебного ключа. Новые аудиофрагменты не отправляйте. Достаточно подтвердить получение».

Она убрала первое предложение, в котором требовала ответить немедленно. Руднев сказал, что возвращается к оборудованию. У человека после бессонной ночи могла быть работа, смена, аварийный вызов и право не жить по её уведомлениям.

Письмо ушло. Сервер принял его, но отметки чтения не появилось.

Марина поставила канал на автоматическую проверку и вернулась к делу, которое лежало открытым с утра. Два собеседника спорили в шумном вестибюле; заказчик хотел знать, произнёс ли один из них конкретную фамилию. Обычный плохой микрофон, обычная чужая уверенность, что громкость можно превратить в смысл.

Она послушала участок один раз и составила список того, что действительно различалось. Работа шла медленнее, чем обычно. Каждый служебный сигнал заставлял её смотреть не на тот экран.

Первое уведомление оказалось напоминанием о калибровке. Второе — письмом бухгалтерии. Дмитрий прислал только короткую строку: «Пакет поставлен в очередь. До первичной подготовки не открыт».

Марина ответила: «Принято».

Слово выглядело спокойнее, чем она себя чувствовала.

К половине первого запись из вестибюля снова стала просто записью из вестибюля. Марина сформулировала честный ответ заказчику, закрыла дело и сняла наушники.

На одном экране её голос ждал чужой очереди в Москве. На другом письмо Рудневу оставалось непрочитанным.

Она уменьшила громкость уведомлений.

Отключить их не смогла.

* * *

Обед приехал в бумажном пакете с промокшим дном. Курьер поставил его на стойку у входа, извинился за разлитый суп и попросил код подтверждения. Марина назвала цифры, забрала пакет и только потом поняла, что всё время смотрела на защищённый экран за его плечом.

Новых сообщений не было.

Она вытерла стойку, перелила уцелевший суп в лабораторную кружку и запретила себе проверять канал до конца обеда. Запрет продержался до первой ложки.

Письмо Рудневу всё ещё не было прочитано.

Марина закрыла окно. У человека существовало больше способов не ответить, чем у эксперта — способов честно объяснить молчание. Он мог находиться в экранированном помещении, спать после ночной работы, ремонтировать тракт, оставить терминал в другой комнате. Он мог намеренно не отвечать ей. Ни одна версия не требовала тревоги.

Суп оказался слишком солёным. Это, по крайней мере, было установлено без оговорок.

После обеда Марина проверила не запись, а самого отправителя. Без отдельной карточки, без таблицы версий. Несколько запросов дали достаточно: сертификат Руднева не перепускали в спешке, рабочий адрес годами появлялся в служебных уведомлениях, радиокomплекс существовал не только на устаревшей странице. В архиве профессиональной рассылки нашлись его короткие письма о ремонтах. Он писал так же, как говорил: сначала называл, чего сделать нельзя, потом предлагал единственный способ продолжить работу.

Это мог имитировать человек, который готовился.

Но готовиться пришлось бы долго.

Марина нашла открытые записи собственных выступлений, которые Алексей назвал утром. Материала хватало для хорошего синтеза: чистый звук, длинные фразы, несколько эмоциональных режимов. Хватало и для того, чтобы узнать её профессиональную слабость. Она сама годами объясняла публично, почему верный голос не равен верному смыслу.

Провокация могла быть обычной. Только уже не дешёвой.

Марина позвонила на внутренний номер радиокomплекса. Длинные гудки сменились автоматическим сообщением: объект работал в сокращённом режиме, сотрудники могли быть недоступны во время регламентных операций. Общая линия отвечала без разрывов.

Она не оставила голосового сообщения. Одного письма было достаточно.

Следующие два часа прошли почти нормально. Марина подписала заключение, перезвонила клиенту, заменила кабель на втором рабочем месте и выругалась, когда разъём снова зацепился за ножку стола. Четыре года назад в центре за такой кабель отвечал техник. Теперь она отвечала сама — и предпочитала это большинству прежних зависимостей.

Телефон лежал экраном вниз.

Марина перевернула его только после вибрации.

Дмитрий написал: «Наборы разделены. Первичный проход начат. Сегодня заключения не будет».

Она набрала: «Сходство слышишь?» — и стёрла.

Потом: «Есть ли грубые следы обработки?» — и тоже стёрла.

«Принято», — отправила Марина.

Ответ пришёл сразу: «Героическое терпение».

Она усмехнулась прежде, чем успела решить, сердится ли. Дмитрий умел оставлять ей ровно столько иронии, чтобы спорить было неловко.

К пяти за окном начало темнеть. В отражении стекла лаборатория выглядела глубже, чем была: два ряда столов, пустое кресло у рабочей станции, белая полоса света на полу. Марина закончила ещё одно письмо и обнаружила, что не помнит последнего абзаца.

Она снова открыла канал Руднева.

Непрочитано.

Второе короткое сообщение ушло без новых требований: «Подтвердите получение предыдущего запроса. Содержание можно не обсуждать».

Через несколько минут Марина позвонила по служебному номеру. Ответило то же меню. Внутренний номер Руднева звонил долго, терпеливо, как будто телефон находился рядом с человеком, который просто не хотел поднимать трубку.

Марина завершила вызов.

У неё было достаточно обычных объяснений. Она перечислила их про себя, не записывая: смена, шум, сон, выезд, отключённый терминал. Список звучал разумно. Ни одна причина не становилась правдой оттого, что подходила.

Снаружи включились фонари. В лаборатории верхний свет ещё не горел, и лицо Марины отражалось в тёмном окне поверх рабочего стола.

Она включила свет и позвонила снова.

Гудки продолжались.

К концу рабочего дня Марина знала о Рудневе больше, чем утром: где он работал, как писал, какие ограничения считал важными. Этого по-прежнему не хватало, чтобы понять запись.

Зато хватало, чтобы молчал уже не отправитель.

Молчал Алексей.

* * *

После шести Марина перестала звонить на один и тот же номер. Не потому, что успокоилась. Повторение действия без нового источника было плохой работой, а плохую работу она хотя бы умела прекращать.

Она проверила состояние региональной связи. Проводной канал радиокomплекса отвечал, почтовый сервер принимал сообщения, сайт открывался с обычной задержкой. В районе Вежино шёл мокрый снег, ветер усиливался, часть дальней связи работала хуже. Полного отказа не было.

Это означало только, что исчез не весь объект из сети.

Марина поймала себя на слове «исчез» и заменила его: объект оставался доступен, Руднев — нет.

Она отправила на резервный служебный адрес одну строку: «Подтвердите получение. Обсуждать содержание не требуется». Затем поставила таймер на сорок минут и ушла в маленькую комнату за аппаратной, где стояли чайник, холодильник и стул с шатающейся спинкой.

Суп остался на столе с обеда. Марина выбросила его, вымыла кружку и сделала чай. Когда вернулась, до сигнала таймера оставалось двадцать восемь минут.

Она всё равно проверила канал.

Ничего.

К восьми лаборатория опустела. В коридоре погасили половину света, дверь соседней мастерской хлопнула в последний раз, за стеной затих пылесос. Марина могла закрыть помещение, поехать домой и оставить автоматическую проверку до утра. У неё не было договорённости с Рудневым о новом звонке. Не было сообщения о неисправности. Не было местного источника, который считал бы ситуацию необычной.

Не было и желания уходить.

Дмитрий ответил на второй гудок.

— Ты ещё на работе? — спросил он.

— Ты тоже.

— У меня государственная система. Она питается людьми после окончания рабочего дня.

— Как материал?

— Всё ещё материал. Первый технический этап закончили, контрольный набор останется на утро.

— Если отправитель перестал отвечать после передачи, это меняет задачу?

Дмитрий помолчал.

— Ты знаешь, что он перестал отвечать?

— Два письма без чтения. Несколько вызовов. Общая линия работает.

— Значит, ты знаешь про письма, вызовы и общую линию.

— Спасибо.

— Ты не за этим позвонила.

Марина отвернулась от экранов. На подоконнике темнел стаканчик утреннего кофе; она так и не выбросила его.

— Я не хочу расширять круг людей из-за обрезанного фрагмента.

— Разумно.

— Тогда почему ты споришь?

— Я ещё не спорю. Я спрашиваю, почему проверка человека для тебя равна раскрытию записи.

— Потому что придётся объяснить причину интереса.

— Не обязательно всю.

— Местная диспетчерская не станет искать инженера, потому что петербургскому эксперту не ответили на письмо.

— Возможно. Но диспетчерская может знать, находится ли инженер на рабочем месте. Марина сжала челюсти. Дмитрий услышал паузу и не заполнил её.

— У меня нет основания объявлять риск, — сказала она.

— Спросить — не объявить.

— После прошлого дела ты предлагал именно меньше говорить.

— Я предлагал не выдавать вывод шире данных. Не предлагал делать вид, что молчание эксперта нейтрально.

— Моё молчание?

— Ты решаешь, кому сообщить, что человек прислал странный материал и перестал отвечать. Это решение. Даже если запишешь его как отсутствие достаточного основания.

Марина посмотрела на квитанцию Дмитрия. Утром она отправила пакет наружу, потому что одна система не должна была владеть единственной версией факта. Теперь сама удерживала факт от людей, которые могли проверить человека.

— Я не знаю, что он перестал отвечать всем, — сказала она.

— Именно это можно спросить без слова «будущее».

Он не давил дальше. Спросил, нужно ли оставить пакет в ночном хранилище под отдельной регистрацией. Марина согласилась. Они коротко обсудили доступ и завершили разговор почти по-рабочему.

Перед отключением Дмитрий сказал:

— Если найдёшь обычное объяснение, позвони и порадуй меня.

— Ты не любишь предварительные ответы.

— Обычное объяснение — не ответ. Это хороший вечер.

После звонка лаборатория стала ещё тише. Марина открыла форму обращения в местную аварийную службу. Убрала из текста запись, собственный голос, заявление о будущем и просьбу проверить станцию. Оставила имя Алексея Руднева, время последнего прямого разговора и один вопрос: находится ли сотрудник на рабочем месте или выехал по обычной задаче.

Текст занимал четыре строки.

Марина перечитала его трижды.

Если нажать «отправить», в Вежино появится новый человек, чьи действия вызваны утренним пакетом. Если не нажать, единственным местным решением останется решение Алексея — каким бы оно ни было.

Она подвела курсор к кнопке.

Защищённый телефон зазвонил раньше.

На экране появился код Мурманской области.

Часы показывали ровно двадцать два.

* * *

Марина приняла вызов.

— Нестерова? — Женщина говорила быстро и негромко. За её спиной хлопнула дверь, кто-то назвал номер машины. — Кира Сафина, аварийно-поисковая служба Вежино. Вы сегодня разговаривали с Алексеем Рудневым?

— Назовите номер для обратного вызова.

— Сейчас не лучшее время для...

— Номер.

Кира продиктовала служебный контакт и должность. Марина нашла их в региональном реестре, завершила соединение и перезвонила. Ответили после первого гудка.

— Теперь я настоящая? — спросила Кира.

— Теперь разговор имеет источник. Последний прямой контакт с Рудневым закончился утром. Что произошло?

— Он не вернулся. С половины девятого ищем как пропавшего.

Марина не записала фразу сразу. Рука осталась над клавиатурой.

— Кто видел его последним?

— На комплексе видели днём. После половины шестого есть след служебного выезда, но журнал неполный. Машины нет на месте. Дома его нет. Обычные маршруты проверяем.

Голос Киры был тихим не от спокойствия. Она сэкономила громкость, чтобы не тратить её на человека, который мог оказаться бесполезным.

— Какой именно след выезда?

— Ворота открывались. Выдача машины оформлена кусками. Назначения нет. Камера показывает снег и что-то большое, на этом её художественные способности заканчиваются.

Сухость реплики не требовала ответа. Где-то рядом с Кирой снова заговорили; она коротко распорядилась проверить топливо и вернулась к Марине.

— Ещё нашли техническую записку для его помощника. Действия на случай потери связи. Без маршрута и нормального объяснения.

— Оригинал сохранили?

— Да.

— Кто знает о записи, которую он отправил мне?

Кира задержалась на полсекунды.

— Достаточно людей, чтобы скрыть её уже не получилось. Недостаточно, чтобы я доверяла пересказам. Один сотрудник видел часть материала. Он сказал, что Руднев просил вас приехать.

Это не сообщало Марине, кто видел файл и как получил доступ. Она не стала допрашивать.

— В вашем фрагменте есть место, куда он мог поехать? — спросила Кира.

— Нет проверяемого маршрута.

— Там есть опасность для него сейчас?

— Я не могу подтвердить.

— Опровергнуть можете?

— Нет.

Кира выдохнула. Когда заговорила снова, голос стал ещё тише.

— Мне не нужен процент сходства, Нестерова. У меня люди едут по льду и ищут человека, которого нет дома, на работе и на обычной дороге. Скажите, что из вашей записи меняет поиск сегодня.

Марина почувствовала, как внутри поднимается готовая формулировка: доступный материал недостаточен для операционного вывода. Точная, защищённая, бесполезная.

— Сам файл не даёт направления, — сказала она. — Но я могу подтвердить время его существования.

— Говорите.

Марина открыла утреннюю последовательность. Запрос пришёл в половине десятого. В десять пятьдесят пакет зарегистрировали в независимом центре. Служебный выезд начался много позже. Поиск — позже выезда.

До звонка Киры эти отметки защищали материал от поздней подмены. Теперь они защищали след человека.

— Руднев отправил запрос утром, — сказала Марина. — Копия была сохранена у меня и независимо принята в Москве задолго до известного вам выезда. После исчезновения этот файл не создавали.

— Значит, он готовился к чему-то с утра.

— Значит только, что материал существовал и он считал его достаточно важным, чтобы обратиться ко мне. Его мотив из времени не следует.

— Хорошо. Это уже можно использовать.

Кира не спорила с оговоркой, потому что получила действие. Марина впервые за разговор почувствовала не согласие, а возможность работать.

— Голос действительно ваш? — спросила Кира.

— Есть устойчивое сходство. Окончательного вывода нет.

— И в записи упоминается Руднев?

Марина посмотрела на обрезанную полосу звука.

— Доступный фрагмент связан с обстоятельствами, в которых его отсутствие имеет значение. Точного места, времени или причины там нет.

— Очень аккуратно.

— Иначе нельзя.

— Можно быстрее.

— Быстрее сейчас будет неправдой.

— А медленнее может быть поздно.

Они замолчали. Между ними не было доверия, зато была точная форма будущего конфликта.

— Исходная регистрация на комплексе? — спросила Кира.

— По словам Руднева. Её нельзя перезаписывать, переносить поверх или рассылать по общим каналам. И нужно сохранить журналы входов и действий у оборудования.

— У меня люди в снегу, машины на маршрутах и прожектор, который гаснет от каждого удара. Вы предлагаете поставить человека охранять компьютер?

— Предлагаю сохранить единственный след, который Руднев оставил до выезда. Если запись связана с его решением, потеря источника не поможет поиску.

Кира коротко ответила кому-то рядом: «Эту машину не трогать, она на дороге». Потом сказала Марине:

— Доступ к комплексу не у меня одной. Я зафиксирую, кто входит. Но вы приезжаете. Это прозвучало не приглашением.

Утром Алексей предупреждал не считать поездку нейтральной. До этого звонка Марина могла объяснить отказ отсутствием достаточного материала. Теперь отказ означал оставить источник и поиск людям, которым она уже сообщила ровно половину полезного факта.

— Ближайший подходящий рейс утром, — сказала она. — До аэропорта сорок пять минут. Если встретите в региональном узле, буду у вас после обеда.

— От узла до нас не меньше четырёх часов. Здесь лёд. Пришлите время прилёта, машину подтверждаю.

— Отправьте защищённым каналом поисковую сводку, копию записи о выезде и фотографию технической записки. Сам аудиофайл не пересылайте.

— Почему?

— Новая копия не скажет, где он. А круг людей расширит.

— Принято. Но если в записи появится что-то, что меняет маршрут, звоните сразу. Не после заключения.

— Если появится проверяемое основание — сразу.

— Вот за это и будем ругаться.

Соединение закончилось. Марина открыла расписание, выбрала утренний рейс и поставила предварительное бронирование. Подтверждение пришло в двадцать два двадцать.

Она достала из нижнего шкафа жёсткий кейс портативного комплекта. Внутри лежали рекордер, кабели, запасные аккумуляторы и наушники, сложенные так аккуратно, будто дорога была просто ещё одной лабораторной процедурой.

Марина вынула наушники и переложила их сверху. Потом добавила перчатки.

На столе рядом светились две отметки: пакет принят в Москве утром; билет на север оформлен вечером.

Между ними не было ответа.
Была дорога.

Глава 3. Дорога в Вежино

В семь двадцать замок лаборатории щёлкнул у Марины за спиной.

Она проверила ручку один раз. Второй раз не стала: машина уже ждала, а рейс не интересовался её отношением к завершённости.

Жёсткий кейс оказался тяжелее, чем ночью. Водитель взялся за боковую ручку и сразу переставил ладонь.

— Там кирпичи?

— Оборудование.

— Значит, дорогие кирпичи.

Он закрепил кейс в багажнике. Основной архив и неизменная копия остались за двумя дверями лаборатории. С собой Марина взяла рабочий носитель, журналы, ноутбук и то, чем можно было слушать, но нельзя было заменить станцию.

Машина тронулась.

Ночной пакет Киры пришёл перед выходом. Внутри были смены, маршруты, отметки связи, фотографии дорог, расход топлива и доступный слой технической записки. В начале Кира написала:

«Проверенное отделила. Версии оставила внизу. Где не знаю — так и написано».

Вчера она требовала отвечать быстрее. Утром уже изменила способ передачи.

Марина открыла первую таблицу. На второй строке буквы поплыли от движения. Поиск не прекращался, когда Кира ушла отдыхать: менялись люди, техника и участки; одну группу развернул лёд, позже она вышла снова. Картина была неровной и слишком дорогой для простой красивой постановки.

Сделать из этого вывод в машине Марина не могла.

— Укачивает? — спросил водитель.

— Нет.

Он посмотрел в зеркало и убавил отопление.

Позвонил Дмитрий.

— Пакет на месте. Утром продолжили по плану.

— Предварительное есть?

— Есть желание не говорить предварительно.

— Я еду в аэропорт.

— Это должно ускорить лабораторию?

— Объяснить срочность.

— Срочность я понял вчера. Когда появится основание, получишь его независимо от своего адреса.

— Кира прислала ночную сводку. Поиск шёл сменами.

— Тогда проверяй поиск. Я проверяю файл.

— Удобное разделение.

— Ты сама его создала.

Перед отключением Дмитрий добавил:

— Долетишь — сообщи. Не потому, что это процедура.

— Я поняла.

— Подозрительно быстро.

К аэропорту машина подъехала в восемь пять. Марина сверила время и рассердилась на себя за облегчение: сорок пять минут не делали дорогу безопаснее, только соблюдали минимум.

В зале пахло кофе, мокрыми куртками и средством для пола. Перед Мариной мужчина спорил о коробке с инструментами. За ней ребёнок считал лампы, сидя верхом на чемодане.

Сотрудница у стойки посмотрела на кейс.

— В салон не пройдёт. Оформляем отдельно.

— Он должен быть со мной.

— Тогда часть оборудования переложите. Кейс — в багаж.

Марина знала размеры и всё равно надеялась, что слово «экспертный» изменит обычное правило. Она вынула рекордер, наушники и аккумуляторы, закрепила остальное, поставила пломбу и сфотографировала номер.

Лента унесла кейс за резиновую штору.

Ей захотелось вернуть его и пересобрать всё заново. Вместо этого она убрала фотографию в дорожный журнал.

К посадке при ней остались ноутбук, рабочий носитель, рекордер и остывший кофе. Ночной пакет загрузился полностью. Прочитана была примерно треть.

Телефон показал сообщение Киры:

«Машину подтвердили. Водитель будет у выхода в 11:35. Поиск идёт».

Марина ответила: «В воздухе буду без связи. Не расширяйте направление по одному следу».

«Тогда после посадки ответьте быстро».

В девять дверь самолёта закрылась. Лабораторный ключ лежал в кармане, ноутбук — под креслом, кейс — где-то под полом.

Впервые с начала запроса ни один экран не мог сообщить ей, что происходит дальше.

* * *

После взлёта Марина открыла ночной пакет.

Ноутбук упирался в переднее кресло. Женщина рядом сложила газету вчетверо и заняла половину общего подлокотника. От неё пахло яблоками и кремом для рук; у ног стояла коробка, перевязанная бечёвкой.

— Вам в окно не дует?

— Нет.

— Тогда не закрывайте. Я облака люблю.

Документы Киры были составлены разными людьми. Где-то стояли подписи, где-то только номер смены и фраза: «повторить при свете». Порядок был хуже лабораторного и честнее красивой сводки.

Поиск начался до звонка Марине и продолжался после смены руководителя. Люди выходили повторно, потому что снег закрывал следы, лёд менял скорость, а ночью видели меньше, чем утром.

Марина выбрала три действия, которые нельзя было получить одним распоряжением задним числом: смену людей, движение техники и независимые отметки связи. Простая постановка, придуманная после звонка в Петербург, становилась слишком дорогой и многолюдной.

Не невозможной. Реальный поиск не доказывал честность причины, по которой он начался.

Самолёт вошёл в облака. Корпус мелко задрожал. Женщина придержала коробку ногой.

— Торт, — пояснила она. — В прошлый раз поставила наверх. Прилетел отдельно от крема.

— Теперь лучше?

— Теперь я отвечаю за него лично.

Марина посмотрела на коробку, потом на ноутбук.

— Работает не всегда.

Женщина рассмеялась и вернулась к газете.

Служебную машину действительно выдали. Технологические ворота действительно открывались. Между этими фактами не было доказанного направления. Расход топлива допускал несколько маршрутов, погода делала расчёт расстояния ещё слабее.

Машина вошла в цепочку исчезновения. Кто ехал, куда и зачем, Марина не знала.

Техническая записка содержала время и несколько действий на случай потери связи. Адресат был закрыт, последовательность обрывалась. Из неё нельзя было получить место. Марина закрыла файл прежде, чем начала достраивать пропуски.

Официальная карточка комплекса называла объект почти законсервированным. Ночная сводка — узлом служебной связи и местом, доступ к которому распределяли Кира и Роман.

Этого не хватало, чтобы знать, что работало на станции. Хватало, чтобы спросить, почему почти закрытый объект требовал столько живых владельцев.

Марина записала:

«Формальный статус не объясняет текущий доступ и аварийную ценность. Установить владельцев документов и решений».

Не «скрытая конфигурация». Не «нарушение». Пока вопрос.

Переднее кресло откинулось и едва не сложило ноутбук.

— Молодой человек, вы ей компьютер закрыли, — сказала соседка.

Пассажир извинился и поднял спинку.

— Всё нормально, — сказала Марина.

— Ненормально, но терпимо, — поправила женщина.

Марина обнаружила, что трижды читает одну строку. Глаза закрылись. Она очнулась от толчка; соседка протягивала ей яблоко.

— Возьмите. Вы завтракали?

— Да.

— Значит, плохо.

Марина хотела отказаться и взяла.

Под крылом появилась тёмная земля с белыми полосами. Не карта покрытия — расстояние, которое нельзя было уменьшить правильной экспертизой.

К посадке оставались три узких вывода. Поиск был реальным. Машина входила в исчезновение, но не давала маршрута. Официальная картина станции не объясняла её общественной роли.

Ни один вывод не говорил, где Алексей.

В одиннадцать пять колёса ударили о полосу. Соседка удержала коробку и удовлетворённо кивнула.

На экране Марины светился вопрос о владельцах решений.

Закрывать его она не стала.

* * *

Кейс появился на ленте последним. Пломба была цела.

Мужчина с листом, на котором фамилия Марины была написана с лишней буквой, смотрел не на пассажиров, а на багаж.

— Нестерова?

— Да.

— Машина у выхода. До Вежино четыре часа, если дорога позволит.

Он показал муниципальное удостоверение. Марина набрала номер, присланный Киной; телефон в его кармане зазвонил.

— Теперь я настоящий, — сказал он.

Фраза была Кириной.

Высокая тёмная машина пахла резиной, старым отопителем и кофе. На панели лежали перчатки и термос. Водитель закрепил кейс ремнями и попросил Марину проверить.

— На льду всё непривязанное начинает жить отдельно.

Часы показывали одиннадцать тридцать пять.

Первые километры дорога была широкой и мокрой. Марина достала телефон.

— Читать лучше позже, — сказал водитель. — Сейчас качает.

— Я нормально переносу дорогу.

— Утренний пассажир тоже так говорил.

— Вы только водитель?

— Сегодня водитель. Обычно муниципальная техника. Сейчас важнее вернуть машину целой.

Он объехал блестящее пятно на асфальте. Марина убрала телефон. Ей не понравилось, что решение оказалось разумным.

За городским узлом сеть исчезла. Дорога поднялась между тёмными сопками.

— Вы участвовали в поиске ночью?

— Возил людей до развилки.

— Какие участки проверяли?

— Кира прислала вам сводку.

— Я спрашиваю, что видели вы.

Он подумал.

— Две группы вернулись мокрые и злые. Одну машину развернул лёд. Руднева не привезли.

— Служебную машину видели?

— Нет.

— Кто решал, какие дороги закрывать?

Водитель взглянул на неё.

— Не водитель.

— Я поняла должность.

— Нет. Вы спрашиваете, будто дорога даёт мне чужие решения. Я знаю, где лёд и где появится связь. Остальное было не при мне.

Марина хотела объяснить, что именно поэтому уточняет источник. Машина скользнула в колее, и она вцепилась в край сиденья. Водитель заранее сбросил скорость, не прекращая смотреть вперёд.

Он был прав в границе своей роли.

Когда сеть вернулась, телефон принял сообщения Киры и Романа.

Кира написала: «Западный участок проверен повторно. Машины нет. На технологической дороге следы смешаны, направление не установлено. Нужна формулировка для смены».

Марина позвонила.

— Говорите, — ответила Кира.

— Машина не найдена. Направление не установлено. Смешанные следы не дают основания ставить один маршрут выше других.

— Технологическую дорогу не проверять?

— Не считать установленным маршрутом. Решение о проверке — по вашим поисковым основаниям.

— Тогда оставляю два участка. Технологический — отдельно, без слова «ушёл».

— Да.

— Сорок секунд. Так можно работать.

Через минуту пришла исправленная строка сводки. Кира изменила не мнение, а действие.

Водитель постучал по панели.

— Скоро опять пропадёт.

Марина набрала Романа.

— Машина вас забрала? — спросил он.

— Да. Мне нужны владельцы исходной регистрации, журналов, документов консервации и допуска.

— Владельцев транспорта и допуска дам до приезда. Документы — очно.

— Официально объект почти законсервирован. При этом вы называете его аварийным ресурсом и контролируете доступ.

— Карточка не вызывает помощь. В плохую погоду нас интересует то, что работает.

— Что работает?

— Обычная аварийная связь. Остальное увидите на месте.

— Кто решил её сохранять?

— Я отвечаю за резерв посёлка.

Он снова назвал ответственность вместо решения.

— Мне нужны конкретные владельцы, — сказала Марина.

— Получите. Но транспорт поисковой службы и действующую связь я не отдам по файлу, который вы сами не называете доказанным.

— Я не требовала остановки.

— Пока нет.

Связь оборвалась.

Роман заранее защищал инфраструктуру и не отвечал, почему почти закрытый объект обслуживали как ресурс. Это было уклонением. Но за ним стояла цена: поиск, связь и люди, которых Марина ещё не видела.

Признать цену не значило поверить владельцу.

Водитель свернул к маленькой заправке.

— Теряем время, — сказала Марина.

— Десять минут уже взяла дорога.

Он принёс два чая и пирог.

— Я не заказывала.

— Вы не обедали.

Марина заплатила за обоих. Они ели у машины. У соседнего окна женщина вытряхивала снег из капюшона, двое мужчин искали канистру, подросток нёс коробку к автобусу. Люди ехали работать и возвращались домой; никто не выглядел жителем закрытой загадки.

— Руднева знали? — спросила Марина.

— Здоровались. Машины он чинил сам, когда мог.

— Мог уехать один без предупреждения?

— Любой может.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет. Я не знаю его настолько, чтобы объяснять вам человека.

Марина сложила бумажный пакет. Вчера она строила версии из молчания Алексея. Сегодня пыталась получить его характер у случайного знакомого.

— Спасибо, — сказала она.

По дороге им встретились двое поисковиков в ярких жилетах. Водитель замедлил машину и спросил, нужен ли чай. Ему ответили, что нужен отпуск. Один поправлял капюшон другому; рядом лежали лопата и измерительный шест.

Марина могла занести увиденное в ещё одну категорию подтверждения поиска. Не стала.

Они были людьми на ветру.

Ближе к Вежино появились линии электропередачи, склады и дома. Потом — магазин, школьный двор, автобусная остановка и пар котельной. Девочка в светоотражающем жилете тянула санки с пакетом корма.

Посёлок не был собран вокруг станции и пропажи. Он грел дома, ждал автобус, разгружал продукты и одновременно искал человека.

Машина свернула за металлическое ограждение. У невысокого здания горел фонарь. Кира разговаривала с человеком в промокнутой куртке, не выпуская рацию. Рядом Роман прижимал к ветру папку.

— Дальше сами, — сказал водитель.

Часы показывали пятнадцать тридцать пять.

Марина открыла дверь. Холод вошёл в салон быстрее неё.

Водитель уже отстёгивал кейс.

* * *

Кира подошла первой. Мокрые волосы выбились из-под шапки. Она посмотрела на Марину, потом на кейс.

— Долетели.

— Как видите.

— Пока вижу только вас. Оборудование цело?

— Проверю внутри.

— Тогда быстро.

У ворот работал двигатель. Двое людей затягивали ремни на ящиках и решали, куда убрать прожектор.

Роман спустился с крыльца, пряча папку под курткой. Лицо было серым от усталости, воротник застёгнут через одну кнопку.

— Роман Шатров. Мы говорили.

— Не закончили.

— Здесь это обычное состояние разговора.

Марина пожала его холодную влажную руку.

— Мне нужен ввод и машина к комплексу. Сейчас.

Кира взглянула на часы.

— Ввод — да. Машина нужна группе на смену участка.

— Моя задача связана с исходной регистрацией, которая существовала до исчезновения.

— А моя — с человеком, который может лежать на снегу.

Роман указал на машину.

— Это единственная свободная высокая машина. Можем отправить вас к станции и задержать смену. Другая техника вернётся позже. Реальный выезд к комплексу — в шестнадцать двадцать пять.

— Сорок минут.

— Да.

— За это время исходный носитель может измениться.

— Есть основание считать, что его сейчас меняют?

Правильный вопрос раздражал сильнее неправильного.

— Нет. Есть основание сохранить доступ и журналы.

— Доступ ограничен. До выезда получите владельцев и всё, что успели собрать. Полным пакет не назову, пока сам не увижу целиком.

Кира открыла дверь базы.

— Проверены жильё, комплекс, основные дороги и обычные аварийные маршруты. Машина не найдена. Один технологический участок остаётся непроверенным. Направления нет.

Она использовала формулировку Марины.

— Техническая записка?

— Оригинал в сейф-пакете. Доступный слой у вас. Полный смысл не установлен.

— Кто держит носители?

— Сейф — моя диспетчерская, — сказала Кира.

— Исходник и станционные журналы — служба комплекса, допуск через меня, муниципальные документы собираю я, — добавил Роман.

Общая картина была разделена между людьми, которые недостаточно доверяли друг другу и слишком зависели друг от друга.

У машины захлопнули заднюю дверь.

— Решайте, — сказала Кира. — Они ждут.

Девять часов назад Марина считала дорогу продолжением собственной проверки. Теперь кейс стоял на мокром бетоне, а машина могла увезти либо её к исходнику, либо людей на непроверенный участок.

Ни одна доступная улика не делала следующие сорок минут у станции важнее следующих сорока минут поиска.

— Машина идёт с группой.

Кира не поблагодарила. Повернулась к водителю:

— Выезд. Участок непроверенный, не установленный маршрут. Ничего не включать. Связь по каждой точке.

Люди сели.

— В шестнадцать десять получите документы, — сказал Роман. — В шестнадцать двадцать пять выезжаем, если не появится непосредственный новый след человека.

— Вот это условие и фиксируем.

Кира вернулась к Марине.

— Если ваш анализ меняет поиск, говорите сразу. Не после красивого текста.

— Если появляется проверяемое основание, меняющее действие, говорю сразу. Вы передаёте физический след до того, как он станет местной версией.

— Договорились до первого спора.

— Дальше посмотрим.

Уголок рта Киры дёрнулся.

Машина выехала за ворота и исчезла в снегу.

Кира взялась за ручку кейса.

— Тяжёлый.

— Я сама.

— Вижу. Поэтому вдвоём.

Марина хотела отказаться, потом взяла вторую ручку.

Они внесли кейс в здание. На мокром полу остались две тёмные дорожки. Роман придержал дверь, всё ещё защищая папку от снега.

На стене висела карта. Дорога к станции уходила вправо — короткая линия, которую Марина могла бы пройти сейчас, если бы поставила свой вопрос первым.

Часы показывали пятнадцать сорок пять.

Кейс остался на полу.

Машина ушла искать Алексея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.